

МИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени А.М.ЮРЬЕВОЙ

На правах рукописи

МИХАЛЕВИЧ Елена Геннадьевна

УДК 882.6/092/+882.08+808.26-085.5-56

КОНСТРУКЦИИ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВАНА ПТАШНИКОВА

Ю.02.02 -- языки народов СССР /белорусский язык/

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск 1991

Работа выполнена на кафедре белорусского языкознания Минского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени А.М.Горького

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор М.С.Евневич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор А.П.Груцо
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
И.Я.Яшкин

Ведущая организация — Белорусский государственный университет имени В.И.Ленина

Защита состоится "29" ноября 1991 года в "14" часов на заседании специализированного совета К 113.16.04 в Минском государственном педагогическом институте имени А.М.Горького /г.Минск, ул. Советская, 18, ауд. 482/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПИИ имени А.М.Горького.

Автореферат разослан "28" октября 1991 года.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат педагогических наук *Лит. Рогов* Н.Г.Еленский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию синтаксических единиц разговорной речи /ГР/ в художественных текстах /ХТ/ Ивана Пташникова.

Актуальность темы. Одной из проблем, активно разрабатываемых белорусскими лингвистами в последние десятилетия, является описание экспрессивных средств разговорной речи. Проведенные магнитофонные записи и создание на их основе теоретические разработки РР достаточно полно раскрывают сущность этого лингвистического явления, его лексические, фонетические, морфологические, словообразовательные и синтаксические особенности. Вместе с тем, до сегодняшнего дня неоднозначно определяется семантический объем терминов "разговорная речь", "разговорные средства", что, безусловно, требует научного изучения этих понятий.

Кроме того, в белорусской филологии недостаточно разработаны еще один аспект отмеченной проблемы — взаимодействие разговорной речи и художественного текста. Обзор и сопоставление соответствующих лингвистических трудов позволил сделать вывод о необходимости исследования прежде всего конструкций разговорно-синтаксиса в языке современной белорусской художественной литературы. Такое исследование не только выявляет закономерности употребления структур разговорной речи в ХТ; оно актуально в плане системного описания образно-изобразительных средств языка художественной литературы.

Функционирование разговорных конструкций в диссертации анализируется на материале произведений Ивана Пташникова. Целесообразность описания языка романов и повестей этого писателя мотивируется следующими факторами:

— Иван Пташников по праву считается одним из лучших современных прозаиков, пишущих о деревне, ее насущных проблемах и недавнем историческом прошлом, особенно периода Великой Отечественной войны;

— своеобразно подходя к избранной теме, писатель стремится образно в своих произведениях реальную жизнь, народные характеры и быт, для чего широко использует языковые средства разговорной речи;

— за счет употребления разговорных синтаксических единиц

Иван Пташников не только достигает естественности, натуральности описания, но и осуществляет свою сокровенную мечту — сохранить и донести последующим поколениям живую народную речь.

Таким образом, актуальность диссертации обусловлена как неразработанностью в белорусском языкознании проблемы функционирования синтаксических единиц разговорной речи в художественных текстах, так и необходимостью анализа образно-образительных средств, свойственных произведениям Ивана Пташникова.

Объект, цель и задачи исследования. Значительный синтаксический пласт в романах и повестях писателя образуют конструкции, оформленные под влиянием двух /противоположных/ тенденций РР — к пропуску и к повтору структурных элементов. Определение и систематизация таких синтаксических единиц — объект анализа в диссертации.

Целью реферируемого исследования является изучение и описание конструкций разговорного синтаксиса в языке произведений Ивана Пташникова путем анализа их структурно-семантических и функционально-стилистических особенностей. Достижению поставленной цели способствуют конкретные задачи:

- рассмотреть синтаксические средства разговорной речи в романах и повестях прозаика как наиболее характерные черты его индивидуального стиля;
- определить стилистический профиль каждой модификации конструкций разговорной речи в художественных текстах;
- установить, в какой степени такие конструкции в произведениях писателя отражают типичные особенности живой народной речи;
- проанализировать трансформацию, пересмысление средств разговорного синтаксиса в зависимости от художественных и стилистических особенностей текста;
- выяснить, насколько использование таких конструкций приобретает в произведениях И.Пташникова значение художественного принципа.

Методы исследования. Для реализации поставленных задач в работе используется преимущественно описательный метод, сочетающийся с приемами наблюдения над фактическим материалом и лингвистического комментария текста. В диссертации также находит применение сравнительно-сопоставительный метод, метод трансформационного анализа, приемы количественного

анализа материала.

Материал исследования, отображающий индексирование конструкций разговорного синтаксиса и составляющий картотеку свыше четырех тысяч единиц, извлечен из "зрелых" произведений Ивана Пташниковца на деревенскую тему: повестей "Лонва", "Тартак", "Найдорф" и романов "Моціжы", "Алімпіада". Для сравнения в диссертации использовались и материалы народных говоров, записанных учеными Института языкознания имени Коласа АН Беларуси, а также автором диссертационного исследования. В отдельных случаях приводились языковые факты из фольклорных текстов.

Научная новизна работы. Структурно-семантические и функционально-стилистические особенности употребления конструкций разговорного синтаксиса в художественных текстах рассматриваются в белорусской лингвистике впервые. В результате их анализа в диссертации выявлены и описаны наиболее распространенные с точки зрения структурного признака конструкции с пропуском и конструкции с повтором языковых элементов.

Впервые монографически исследуется и стилистический синтаксис произведений Ивана Пташниковца — писателя с оригинальным художественным мышлением, со своеобразной авторской организацией языка, значительное место в котором занимают разговорные средства. Путем сопоставительного анализа языковых единиц в РР и в ХТ показано, что в художественных текстах они функционально переосмыслены в соответствии со структурой, жанром, идейно-тематической направленностью этих текстов.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что фактический материал, результаты исследования углубляют научное представление о функциональной природе и стилиевой организации художественного текста и могут быть применены при дальнейших разработках проблемы взаимодействия ХТ и РР. Материалы диссертации можно использовать в процессе преподавания синтаксиса современного белорусского литературного языка, белорусской филологии, лингвистического анализа текста, диалектологии, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, курсовых и дипломных работ в высших учебных заведениях республики.

Структура и объем диссертации. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Дис-

сертации состоит из введения, трёх глав и заключения, списка использованной литературы /142 наименования/, списка первоисточников иллюстративного материала с сокращениями и условными обозначениями. Общий объём диссертации — 180 страниц машинописного текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

— среди синтаксических единиц разговорной речи, употреблявшихся в языке произведений И.Пташника, наиболее продуктивны с точки зрения формальной организации конструкции с пропуском и конструкции с повтором структурных элементов различного уровня: не только отдельных членов предложения, но и предикативных частей;

— выбор и употребление синтаксических единиц разговорной речи обусловлены творческими задачами писателя, тематикой и идейной направленностью его произведений, конкретной обстановкой и условиями, в которых находятся герои романов и повестей прозаика;

— конструкции разговорной речи в художественном тексте обычно получают творческую "обработку", поэтому они, как правило, в литературном произведении имеют более широкую функциональную направленность, чем в устной речи;

— под творческое обновление И.Пташника в значительной степени подпадают конструкции с повторами;

— использование синтаксических единиц разговорной речи в языке художественного произведения позволяет писателю вместе с другими приемами достигнуть определенного стилистического эффекта и разрешить поставленные творческие задачи.

А п р о б а ц и я р а б о т ы. Материалы диссертации обсуждались и получили положительную оценку на заседаниях кафедр белорусского языкознания Минского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени М.Горького, на научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава института /Минск, 1989 г./, на седьмой внутри вузовской научно-практической конференции молодых ученых Минского государственного педагогического института имени М.Горького /1990 г./, а также изложены в публикациях, список которых приводятся в конце реферата.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, ставятся цель и задачи исследования, отмечаются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также описываются особенности индивидуального стиля и синтаксиса произведений Ивана Пташницова.

Здесь предлагается и классификация конструкций разговорной речи, получивших распространение в романах и повестях прозаика, очерчивается предмет исследования. Под конструкцией в диссертации понимается синтаксическая единица разговорной речи, которая, соответствуя требованиям предложения, состоит обычно из одной фразы и характеризуется понижением интонации.

В первой главе — "Некоторые аспекты проблемы разговорной речи в художественном тексте" — прослеживается история изучения этой проблемы в белорусском языкознании, ее исследование на современном этапе, а также определяется семантический объем исходных понятий. При этом учитывается многоаспектность их лингвистического содержания. В работе термин "разговорная речь" понимается как заранее неподготовленная, необдуманная форма общения, которая противопоставляется книжному языку, характеризуется непосредственностью, непринужденностью высказывания и реализуется главным образом в устной диалогической речи¹.

Разговорными считаются те языковые средства, которые выделяются стилистически в процессе неподготовленного, непринужденного речевого потока.

В первой главе рассматриваются и особенности употребления разговорных единиц в художественных текстах. Отмечается, что синтаксические единицы РР в языке художественных произведений структурно эквивалентны разговорным конструкциям в устной речи: и тем, и другим свойственна свобода как в структурном оформлении языковых единиц, так и в использовании их в виде готовых редств. Вместе с тем, конструкции РР, употребляющиеся в ХТ, существенно отличаются от своих эквивалентов. Первая группа отличий заключается в форме организации сопоставляемых единиц, хотя субъект разговора, и автор художественного произведения могут

Об этом см.: Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў /М.У.Сцяжко, М.Ф. Гуліцкі, Л.А.Антанюк. — Мн.: Выдаўш. шк., 1990. — С.22—23.

творчески относиться к форме высказывания. Но если в разговорной речи она необязательна /хоть и допустима/, то в ХТ всегда имеет место установка на форму, что объясняется отсутствием в последнем мимики, жестов, интонации, дополняющих содержание и передающих субъективные оттенки.

Вторая группа отличий затрагивает функциональный аспект составляемых конструкций. Функция синтаксических единиц в разговорной речи главным образом информативная. В литературном произведении структуры РР приобретают функциональное многообразие: создают разговорную экспрессию, передают колорит деревенской жизни, выступают средством языковой индивидуализации действующих лиц, передачи объективированного повествования и др. Отличаясь более широкой функциональной направленностью в художественном тексте, такие конструкции наиболее распространены в прямой и несобственно-прямой речи героев.

В конце главы делается вывод о невозможности адекватного воспроизведения в художественном тексте живой устной речи. Многочисленные наблюдения показали, что писатель выбирает только те особенности РР, которые, не препятствуя восприятию текста, способны выполнять определенную стилистическую функцию.

Во второй главе — "Конструкции с пропуском структурных элементов" — прослеживаются закономерности распространения в произведениях И. Пташникова синтаксических единиц, оформленных под влиянием тенденции РР к "максимальной передаче содержания при минимальной затрате языковых средств"¹. Такие конструкции характеризуются наличием хотя бы одной нереализованной обязательной валентности, что компенсируется средствами макро- и макроконтраста, а также ситуацией высказывания, имеют фактически /в тексте/ или потенциально /в языке, в системе/ соотносительную нормативную конструкцию с аналогичной реализованной валентностью и являются структурами, в которых незамещенная синтаксическая позиция /или несколько позиций/ имеет стилистиче-

¹ Кромар Э.В. Особенности стилизации разговорной речи в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988. — С. 95.

ское значение¹.

При рассмотрении стилистического применения разговорных единиц данного типа автор исследования исходит из того, что их функция в художественном тексте сводится не только к имитации живой, естественной речи, но и к передаче семантических, стилистических и субъективно-модальных значений. В качестве примера прокомментируем диалог из романа "Алімпіада": Галава у белай хустцы кінулася над жнтам і схавалася. — Ты успеу згледзець? — Што? — Мікалай круціў на возе галавой у бакі. — Міфодзя ў жнце. У маёй белай хустцы... — Якая хустка? Які Міфодзя? — Най Міфодзя! На плячах у Бакі. Што я — Міфодзя свайго не назнаю? — Пачакай... Які табе Міфодзя... Нелегкие испытания принесла Великая Отечественная война. Но жизнь есть жизнь, и герои отправляются в соседнее местечко за так необходимой теперь солью, которой "там процьма, вагоны разбамбілі... На зямлі ляжць, на пяску, гори...". По дороге они пережили неожиданный налет вражеских самолетов и теперь, испуганные, боятся двинуться дальше. Поэтому естественно на реплику Олимпиады Ты успеу згледзець? ее муж Николай отвечает испуганным Што? Осталось в подтексте, какие чувства — страх, тревогу, ожидание чего-то недоброго — испытал при этом герой. Именно за счет неполной конструкции прозаик достигает натуральности сцены, которая становится более выразительной благодаря и последующим репликам с пропущенными структурными элементами. Когда героиня в отчаянии сообщает, что увидела своего сына, Николай, немного успокоившись, иронически переспрашивает: "Якая хустка? Які Міфодзя?". Не слушая ответа жены, он осматривается по сторонам и, заметив что-то, прерывает Олимпиаду, повторяя ее последние слова. Репликой Які табе Міфодзя... герой подчеркивает, что "у жнце" кто-то другой. Оказалось, это раненные советские летчики.

Как следует из анализа, неполные конструкции, прилавав контексту разговорный характер /о чем свидетельствуют примеры из разговорной речи/, содействуют и детальному описанию психологического состояния действующих лиц.

¹ Такое определение дает А.Н.Сквородников, называя данные конструкции эллиптическими /См.: Сквородников А.Н. Эллиптические синтаксические конструкции современного литературного языка. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. — С.20/.

Факты из текстов показывают, что у И. Пташниковой существует целая система вариантов пропуска, в основе которых — единицы разговорной речи. Исходя из этого, автором исследования выявлены три их разновидности:

- конструкции с незамещенными синтаксическими позициями /НСИ/ отдельных языковых компонентов;
- конструкции с компрессией предикативной части /ПЧ/;
- конструкции с пропуском подчинительных союзов /и союзных слов/ — специальных языковых показателей смысловых отношений.

При структурном и стилистическом анализе синтаксических единиц первой разновидности внимание сосредоточено на пропуске подлежащего, сказуемого и дополнения в простых предложениях и составных частях сложных предложений. Отмечается, что пропуск этих членов в художественных текстах является, как правило, контекстуальным. Это объясняется следующим фактом. В разговорной речи пропуск определенного языкового элемента мотивируется самой ситуацией высказывания, в процессе которого его непосредственные участники могут с помощью жестов, мимики, интонации дополнить сказанное. Поскольку в художественных текстах не всегда возможно допустить ситуационно обусловленный пропуск языковых элементов, И. Пташниковой прибегают к разнообразным способам оформления аналогичных разговорных структур. Один из них — наиболее продуктивный — предусматривает введение пропущенного члена предложения, и прежде всего подлежащего, в контекст.

Так, у писателя имеет место оформление как неполного предложения мысли героя, а подлежащее называется в предшествующем авторском контексте: Андруль, махаячи хусткай, бегла дарогай у вёску дачка, ёй /Андрей Величко/ пазнау. "Эгледзела на двары..." — пазумау ёй /Моцкы/. Такой же способ вербализации ситуации наблюдается и в конструкциях с незамещенной синтаксической позицией дополнения.

Способной модификацией рассмотренных контекстуально-неполных предложений является структура, пропущенное подлежащее в которых аналогично дополнению предшествующего полного предложения /или предикативной части/. Распространение преимущественно во внутренней речи персонажей, такие конструкции также требуют контекстуального восполнения члена, указывающего на объект разговора: ... Валерку прыяско. Тысяць дзень-ноч з Ратнікам у кабiне, не вылазіць, Як сабака верні кінуўся на чужога /Алімпія-

И.Пташников творчески подходит к использованию приема про-ска. Заметный вариант авторской обработки этого приема — употребление после базового полного предложения трех и более интекстуально-неполных конструкций с ИСН подлежащего: Андрей думає: хай бы лепш Унук кричаў. Калі ён кричаў, благота ніког не рабіў... Накрычнь — і усё, заўтра ўжо смяецца. А так — дзе думае, што рабіць. А калі думае, то падумаецца. А можа то ведае, толькі не рашаецца сказаць? А раз не рашаецца, то не і. Тавару бы ўжо, не цягнуў /Мсціжы/. Выделенные здесь прос-ке предложения и составные части сложных — единицы с неполной структурой: в каждой из них прозаик обошелся без подлежащего тук. Пропуск главного члена в нескольких подряд предложениях позволяет заметно увеличить текст, сосредоточить внимание на яслях героя о бригадире Унуке.

Наиболее близки к разговорным системно-неполные конструк-ции, характеризующиеся пропуском сказуемого, которое нет необхо-димости вводить в контекст. Такие конструкции распространены преимущественно в диалогической речи героев и обозначают либо приказ в отношении другого персонажа, либо указывают на мгновен-ные действия: — На зямлю! Дзяцей на зямлю!.. — закрычаў Махор-а, не чуючы самога сябе, і пабег, сагнуўшыся, назад да падвод Гартак/; Такі гуд запомніўся на усё жыццё... Ідзеш, пачуеш, ганеш адразу і — галаву ўгару /Найдорф/. Именно такие струк-туры "взяты" из разговорной речи, свидетельство чему — анало-гичные единицы: — Сюды! На вокны лій! На вокны! Пясок ні нала. Зсок на ганак! /Кухарево Глубокск./; А йдзе берагам чалавек, у апелюшы, у тапачках, з вушамі, бабы вылецелі — і за што /Кук-авичи Дзержынск./.

Разговорными являются и распространенные у писателя конст-рукции, включающие подлежащее и лексему дзе. Преобладала в диа-логической речи, они подчеркивают категоричность вопроса и выде-аются в описание тех ситуаций, когда герои находятся в чрезвычай-ных условиях: Ён /Фірем Даворонка/ махнуў па лбе рукавом і тупіў зноў да яе /Клане/: — Дзе Валодзя? Дзеці? Што ты ад мя-е хаваеш? /Найдорф/. Употребляются рассмотренные конструкции и авторской речи, где отличаются функциональной направленнос-ью. Как известно, описание действий, явлений реальности, оформ-енное в произведениях И.Пташникова как авторская речь, ведется

с позиций героев — представителей народных масс. Поэтому названия синтаксические единицы имеют место, например, в описаниях с точки зрения героев повести "Тартак" — подростков Алеши и Тани, которые внимательно следят за соседкой Настой, заменившей им мать в тяжелое военное время, и старается быть возле нее.

Своеобразную функциональную насыщенность приобретают у писателя и конструкции с контекстуальным пропуском сказуемого. Чаще всего они используются с целью детализации повествования. Так, прием пропуска может способствовать более точному описанию субъектов названного в предыдущей конструкции действия: Ззаду ~~усе~~ пазлазілі з калёс і цяпер, сшынушыся ля Януковай падводы, ішлі кучай. Махорка з Настай на самым перадазе, упобачкі; за імі — Панок з Алёшам /Тартак/. Пропуск сказуемого в рассмотренном случае, кроме того, позволяет воспринимать описание как кинематографический "монтаж кадров" /В.Ивашенко/, свойственный творческой манере И.Пташникова. Особенно рельефно этот принцип проявился в повести "Тартак": в каждом отдельном композиционном отрезке называется действующее лицо, описываются его воспоминания о мирной жизни, подается восприятие им суровой военной реальности, затем — другой герой, потом — третий, и так все семь подводчиков. В данном случае пропуск сказуемого выступает в композиционно-сюжетной функции.

Для более детального описания прозаик использует пропуск сказуемого и в сравнительном предложении как зависимой предикативной части сложноподчиненного предложения: Ціснула за грудзьмі, не давала павярнуць галаву — балеу і трашчау увесь карак, дыхаць трэба было корачэнька і рэдка — хапаць паветра, што рыба на пяску /Алімпіяда/. Сравнительная конструкция в таких случаях указывает, как правило, на деревенскую, народную реальность, и ее употребление содействует более полной характеристике образа.

Далее в главе рассматриваются конструкции с пропуском предикативной части /ПЧ/.

В произведениях И.Пташникова преобладают синтаксические единицы с неполной компрессией ПЧ. Одним из распространенных ее типов выступают структуры, в которых о наличии предикативной части "сигнализирует" несогласованное определение, выраженное сочетанием "продлог ад + существительное в родительном па-

деже": Пералезла /Вандя/ першая цераз плот ад вуліцы і набегла гародам пад прызбу /Гартак/. Компрэссыўная залежная частка ў такіх сінтаксічных адзінках уточняе, як правіла, месцазнаходжанне гаспадарчых пабудоваў адносна другіх аб'ектаў: вуліцы, двара, агарода. Не свойсвае разгаворнай мовы, такога павышэння /ў ёй цэласапраўдна бачыць спецыфічнае выкарыстанне пісьміцельнага прыёму пропуску ПЧ/ рэалізуе ў тэксце імкненне герояў, а значыць і аўтара, па магчымасці поўна апісаць усё блізкае, добрае, дорагае — дэталізавана апісанне.

Із разгаворнай мовы празаік "заімаваў" непаўную кампрэсыўную прэдкатывную частку з мадальным значэннем жаданасці ў кленічах і жаданнях: Алімпіяда пачула, як сціснула ў грудзях... Яна Ухапілася адной рукою за нахутку, другой за бліскучы брыж. Яшчэ горш закруцілася сцяна з адчыненымі дзвярыма. Каб, здаецца, выпрастацца, стаць ля ложка... /Алімпіяда/. Кампрэсыўная ПЧ дазваляе больш дакладна, правільна перадаць мыслі героіні, афармленыя ў тэксце як несапраўдна-прамая мова.

Трэцім тыпам разглядаемых ў галаве структураў з пропуском з'яўляюцца сінтаксічныя адзінкі, у якіх пропускі падчінныя злучкі /ілі злучныя словы/ — паказальнікі сэнсавых адносін у кантэксце. Адноўства іх прыводзіць да афармлення бессюжнай канструкцыі — складанага прадказання з пропускім падчінным злучкам /ілі злучным словам/ між разнавіднымі часткамі, якое, будучы структурным аналагам канструкцыі разгаворнай мовы, па сэнтыцы адпавядае літэратурнаму з злучнай залежнасцю. Аналізу функцыянавання такіх адзінкі ў мове прыведзены І.Пташнікава прысвечаны трэці параграф галавы.

У тэксце пісьміцельна шырока ўжываюцца двучленныя сінтаксічныя канструкцыі, з'яўляюцца з галоўнага і залежнага прэдкатывнага камплекса /ПК/; прычым апошні з іх мае пераважна прычынае, тлумачнае, субстантывна-адрэдытнае і дэтэрмінацывна-часовае значэнне. У адрэдытнасці стылістычнай напраўленасці бессюжных канструкцый сутэснае ролі адыгрываюць парадок размешчэння прэдкатывнага камплекса, факт супадзення-несупадзення ў іх дэнататываў падлежачых, ад чаго залежыць выбар фармы сказуемых-глаголаў. Многачысленныя назіранні паказалі, што ў разгаворнай мове пераважаюць структуры з супадзеннем дэнататываў падлежачых /т.е. суб'ектам апісаных у складаных ПК дзействаў з'яўляецца адно і тое ж асоба/. У ко-

дифицированном литературном языке, наоборот, более распространены бессоюзные конструкции с несовпадением денотатов подлежащих. Что касается языка художественной литературы, то для него характерны бессоюзные конструкции как с совпадением, так и несовпадением денотатов подлежащих, причем зависимый ПК зачастую имеет причинное значение: Таня яе /Насту/ не бачыла, не даваў Алёшаў конь /Тартак/; — Яны /мужчины/ і самі туды пайшлі, там плацілі грошы /Лонва/. Указание на причину описанного действия делает повествование более полным, динамичным, а в некоторых случаях и объективированным.

При анализе бессоюзных конструкций с зависимым ПК причинного характера обращается внимание на стилистическую роль пунктуации, подчеркивается обусловленность знаков препинания между предикативными комплексами идейной установкой контекста, речевым типом и др.

Передаче динамичного, натурального повествования способствуют и бессоюзные конструкции с зависимым ПК детерминативно-временного характера: Ён /Анатолій Завишнюк/ сказаў, што ведае, нават добра ведае, талы яна /Трасильда/ зноў доўга маўчала /Лонва/. В диссертации отмечается, что в художественных текстах И.Пташника преобладают структуры такого типа с препозиционным зависимым ПК, характеризующимся наличием подлежащего, который отсутствует в главном ПК.

Употребление бессоюзных конструкций с зависимым предикативным комплексом субстантивно-определяющего характера мотивируется желанием писателя вести описание с помощью простых, а не сложноподчиненных предложений, не свойственных разговорной речи. В таких структурах зависимый ПК поясняет только один языковой компонент главного: Пасля згледзеў /Эфрем Заворонка/, павярнуўшыся да Пагурка, як над Партизанскімі лагерамі паявіліся туня нямецкія самалёты, прыцелі аднекуль з усходу і бамбаць /Найдорф/.

В параграфе подчеркивается, что зависимый ПК в бессоюзных конструкциях как разговорной речи, так и художественного текста может выступать в качестве пояснительного компонента к глаголу главного ПК: — ... Толькі запомні — людзі цяпер роўны... /Меціжы/; Цяпер усе ведалі — Чаркашы сарваўся на Жэньчы /Лонва/. Как опорное слово в главном ПК, включающем ссылку на героя, выступают обычно глаголы чувственного восприятия, кото-

не находят смысловую развязку в зависимом предикативном комплексе. Если же в качестве опорного слова выступают глаголы думки і маулення", то семантический акцент делается именно на их и соответственно на главном ПК, включающем эти глаголы.

Авторской модификацией бессвязных структур выступают многокомпонентные синтаксические единицы, в которых отсутствует несколько подчинительных союзов. Типичной для ХТ прозаика разновидностью являются бессвязные структуры, в которых два главных ПК последовательно указывают на причину описанных в предшествующих компонентах действий: Магазін быў закрыты другі дзень: Нінка паехала да Рамана — званілі па тэлефоне /Місі-
і/.

Пропуск подчинительных союзов /или союзных слов/ позволяет читателю сконцентрировать внимание на семантически важных компонентах текста /контекста/, придать ему естественность и динамизм. Кроме того, здесь проявляется один из способов локализации высказывания. Далее в работе рассматриваются случаи естественного стилистического звучания приема пропуска союзов, содействующего языковой индивидуализации героев, определению отношений между персонажами и др.

В третьей главе — "Конструкции с повтором структурных элементов" — исследуются конструкции FR, являющиеся корнями рассмотренных ранее синтаксических единиц с пропуском языковых компонентов. Их оформление связано с тенденцией разговорной речи к усложнению структуры "лишними" с точки зрения основной семантики высказывания языковыми элементами. В художественных текстах писатели такие структуры получили особое распространение, что объясняется их свойством в большей степени, чем конструкции с пропуском, передавать разнообразно семантические оттенки. Поэтому в третьей главе акцент делается на функционально-предназначенные рассматриваемых структур в разных речевых типах.

В первом параграфе анализируются конструкции, структурная единица которых заключается в периодическом повторении /как правило, дважды/ одной синтаксической позиции с одинаковым лексическим наполнением. В лингвистической литературе это явление, еще не нашедшее должного описания, традиционно называется лек-

сическим повтором¹. В данной работе для его обозначения вводится понятие конструкции с повторными синтаксическими позициями /ПСП/. Оно позволяет, с одной стороны, рассматривать повтор как стилистический прием, используемый прозаиком при художественном отображении реальной жизни; со второй — подчеркнуть, что названные структуры являются коррелятами конструкций с незамещенными синтаксическими позициями.

В языке произведений И. Пташникова широко употребляются конструкции с ПСП как главных, так и второстепенных членов предложения. В авторской речи среди многочисленных модификаций преобладает неконтактный повтор сказуемого с уточняющими или дополняющими компонентами, благодаря чему повествование приобретает смысловую полноту: Вийшауши на сярэдзіну хаты, Чармашын сплніўся і пакаланіўся — нізка пакаланіўся, здавалася, пераломіцца у палоніцы... /Лонва/. Функцию последних выполняют, как правило, наречия времени и способа действия /типа доўга, ніка, весела и др./. В структурах выделенной модификации нашла воплощение особенность разговорного синтаксиса: сначала /в первом предложении/ отмечается сам факт действия или состояния, а потом — во втором — оно уточняется, детализируется.

Во внутренней речи пташниковских героев в качестве уточняющего компонента нередко выступает глагол, обозначающий предварительное действие: Убачыўшы блізка ля сябе белы комін, Андрэй падумаў, што страху ціпер будзе стальць: прывязана да матачыны трыма месцамі. Другую палавіну Успягнуць. Прыйдучь назаўтра мужчыны, пальнуць з гарода і Усцягнуць... Падбярэзкі з братамі Канэцкімі з участка, Гладкі з вёскі, Рускі... /Месціш/. В таких структурах сначала дается неопределенно-личное предложение, в котором, как известно, внимание концентрируется на действии. В следующем предложении автор вводит субъект. За счет такого офор-

¹ Акимов Г.Н. Лексический повтор с точки зрения экспрессивного синтаксиса // Проблемы комплексного анализа языка и речи: Меквуз. сб. /Отв. ред. Л.В.Бондарко; Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1962. — С.434; Иванчинова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. /Редкол.: В.В.Виноградов и др.; АН СССР. Ин-т рус. яз. — М.: Просвещение, 1969. — С.126.

ления писатель передает особенность крестьянского восприятия реальности: деревенский житель, привычный к тяжелому физическому труду, не только констатирует факт действия, но и отмечает, что еще нужно сделать для его свершения.

С целью детализации описания И.Пташников использует и прием перемены модальности в сказуемых-повторах: употребляет в конструкциях разные грамматические формы одного и того же глагола. Например: Варочаюць /Романа/ з боку на бок, мажунь спіртам. Мажа сястра Колудзь /Моціжы/. Повтор сказуемого такого типа преобладает в конструкциях, где, как правило, уточняются субъекты действия.

С точки зрения функциональной направленности повтор сказуемого также имеет несколько разновидностей. Прежде всего выделяются структуры, в которых повтор выступает средством передачи субъективно-модальных значений высказывания /радости, утраты, горечи и др./ и приближает его к разговорным. Об этом свидетельствуют разговорные и диалектные записи, которые приводятся в диссертации.

Нередко повтор сказуемого выступает в разделительно-выделительной функции: способствует более целостному, образному восприятию читателем компонентов высказывания. Такой повтор употребляется в многокомпонентных конструкциях, приближающих авторское описание к литературному тексту.

Еще одной функцией повтора выступает выделение семантически важного для высказывания языкового элемента. С этой целью прозаик допускает повтор сказуемого без уточняющих компонентов, на счет чего подчеркивается продолжительность или ограниченность предикативного действия, передается приказ в отношении определенного действующего лица. Замечено, что приказ может быть наскоковым, обращенным к близкому человеку и напоминающим просьбу; может быть и решительным, если этого требует напряженная обстановка: — Забяры яго, Настасея, ад мяне... Забяры ваіну... — Дзянаўна ўсё яшчэ шапталі, напхнуліся так, што, здавалася, сама распыліцца зараз на друзалкі, як бутэляк; тады ў яе раптам прарваўся голас, і яна нейкім чужым, мужчынскім крыкам завадала: — Забяры яго, Настасея!.. Забяры... /Алімпіяда/. Все эти семантические оттенки реализуются в контексте.

Как выделительное средство выступает повтор сказуемого и в конструкциях-ответе монолога героя, когда он, желая убедить в

чем-то собеседника и придать сказанному безапелляционность, са- задает вопрос и сам отвечает на него. Этим самым в художествен- ном тексте создается "разговорный диалог", в котором, "предвос- хищая возможную реакцию читателя, автор сам предлагает вопросы и возражения и сам разрешает их"¹. Например: — ... Дик знай: на мѣнiгiт каия не спiшу. Недагледзеу? Недагледзеу. Адвiчай сам /Мѣцiжы/.

При авторском описании предметов и явлений, близких по внешнему признаку, прозаик допускает повтор только части ска- зуемого, выраженной прилагательными: Ноги у бацiна ягѣ былі цѣмныя і цѣмная дэюба /Мѣцiжы/. Аналогичную функцию /для усиле- ния наблюдаемого качества/ выполняет и повтор определения, слу- жащий, кроме того, средством языковой индивидуализации героев, передачи их внутреннего состояния и др.

В параграфе анализируются и структурные типы и функциональ- ные возможности конструкций с повтором обстоятельства. В част- ности, отмечается, что в авторской речи получила распространение анафора — экспрессивный прием "единозначия у ряда следую- щих друг за другом предложений"². И. Пташников своеобразно под- ходит к использованию этого приема, поэтому конструкции с ИСП обстоятельства и распространены в авторской речи.

В языке действующих лиц обстоятельство-повтор фигурирует как переспрос — эмоциональная реакция на ранее сказанное. В этом же речевом типе встречается и повтор дополнения, играющий характеристическую и выделительную функции. Так, передавая сце- ну пожара в добовной деревне /повесть "Тартак"/, писатель де- лает ее более натуральной, включая в речь героев повторные реп- лики: — Бусак бярi!.. Бусак!.. — Пасцiлкi мачы!.. — Вѣдон, вѣдон парожны!.. — Не круцiся... Згарыш... — Дзяцей, дзяцей на асѣлку адвiяз!..

Кроме того, повтор дополнения в ХТ писателя используется и как средство развертывания мыслей героев.

В качестве повторной синтаксической позиции может выступать

¹ Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Рус. яз., 1985. — С.110.

² Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1965. — С.224.

и подлежащее, характеризующееся в анализируемых произведениях специфичностью, установленной на основе структурного, функционального и семантического критериев. Учитывая это, во втором параграфе главы выявлены и рассмотрены три модификации структур с ПСН подлежащего:

- конструкции, определяющиеся композиционным стыком подлежащего и его повторной словоформы;
- конструкции с неконтактным повтором подлежащего — собственного имени или личного местоимения;
- конструкции с местоименно-анафорическим замещением подлежащего.

Сущность композиционного стыка заключается в "повторении в начале нового предложения /или его части/ слов, заканчивающих предыдущее предложение"¹. Такое своеобразное оформление, ведущее к описанию с помощью простых по структуре предложений, соответствует и тенденции РР к экономии языковых средств, поскольку в структуре пропущено союзное слово. Прием композиционного стыка помогает прозаику дать исчерпывающую информацию о предмете, передать дополнительные, побочные действия. Поэтому неслучайно подлежащее-повтор у писателя нередко аналогично дополнению предшествующей структуры: На доугай шні /немад/ было тоуста накручана бінту. Бінт быў у свежай крыві, яна выступала на ім плямамі /Тартак/.

Как авторское переименование приема композиционного стыка в главе рассматривается оформление собственного имени и его повтора в разных речевых типах, например, в авторской речи и диалоге героев. Здесь же отмечается функциональная направленность таких структур.

Неконтактный повтор подлежащего — собственного имени или личного местоимения — довольно редок в произведениях И. Пташника. Однако автор прибегает к этому приему и для актуализации в несобственно-прямой речи героев субъекта действия.

Еще одним типом конструкций с ПСН подлежащего является его местоименно-анафорическое замещение: Тады Таня зноў падумала, што яна накінула дома расчыненую хату і што маці, нямогучы, устане з ложка і пойдзе зачыняць дзвері /Тартак/. В текстах писателя

¹ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1965. — С.224.

преобладают конструкции, в которых собственное имя является подлежащим, а его местоименно-анафорический заместитель — дополнением; в них передается чувственное восприятие героем своего состояния. Такие структуры представляют собой сложноподчиненное предложение, в котором имя называется в главной предикативной части, а слово-повтор — в зависимой.

В параграфе указывается, что прием местоименно-анафорического замещения ПСП подлежащего находит проявление и в сегментации /что свойственно также разговорной речи/, и в характерно писателю промежуточной форме повествования, когда местоименно постоянно дополняет, уточняет фамилию героя, от имени которого ведется описание.

Коррелятами конструкций с компрессией предикативной части /ПЧ/ выступают синтаксические единицы с ее повтором. В третьем параграфе главы указывается, что они не только являются аналогами разговорных структур, но и имеют более широкую функциональную направленность. Наиболее близки к разговорным конструкции, где повтор ПЧ выполняет выделительно-акцентирующую функцию. В этом случае писатель часто прибегает к инверсии, к использованию лексических синонимов. С помощью повтора ПЧ И.Пташников индивидуализирует речь героев, создает яркие, запоминающиеся образы.

Результатом авторской "обработки" является повтор только грамматической основы предикативной части: *Ля змлі на маладзім лясчэўніку на лісі ляжаў пнл; пнл ляжаў і на галі — яно было сівое, што ад моху /Тартак/*. При этом зачастую прозаик использует прием так называемого "синтаксического перекольцевания", что способствует разделительному восприятию читателем компонентов описания.

Повтор грамматической основы ПЧ в авторской речи выполняет и композиционно-сюжетную функцию: с его помощью происходит перевод контекста в другой семантический план — от воспоминаний в реальность, от довоенного прошлого к военным событиям.

Последний параграф третьей главы посвящен описанию конструкций с повтором предлогов как показателей смысловых отношений в словосочетании. Такие структуры представляют собой одну из особенностей диалектного синтаксиса, нашедшую распространение в